

Гринберг Р.С. Об итогах и уроках десятилетнего опыта радикальных рыночных преобразований в России

Об итогах и уроках десятилетнего опыта радикальных рыночных преобразований в России

1. Радикальные реформы, инициированные Борисом Ельциным и практически начатые его командой младореформаторов в начале 1992 года, можно было бы считать провалившимися только в том случае, если бы в результате их проведения страна вернулась в 1984 год. Но этого, к счастью, не произошло. Несмотря на колоссальные издержки пятнадцати лет беспрецедентных преобразований, их финал остается открытым. Это означает, что Россия еще сохраняет шанс стать страной со стабильной демократией, гражданским обществом и цивилизованным рыночным хозяйством, где свобода предпринимательства и социальная справедливость не исключают, а дополняют друг друга.

2. Позитивные итоги реформ. Преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии, в результате чего исчезли всеобщие дефициты товаров и услуг, и значительно расширился их ассортимент. Раскрепощена ранее скованная личная инициатива людей. Происходит становление предпринимательского класса, призванного формировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает приобретенные в условиях реального социализма иждивенческие комплексы. Seriously подорвана типичная для реалсоциалистических времен уравнительность в личных доходах. Есть ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда в связи с восстановлением полной товарной обратимости рубля.

3. Негативные итоги реформ. Результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Пока они явно преобладают над успехами. Дело не только и даже не столько в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что она никак не может приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. К этим процессам надо добавить феномен массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась главным образом за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 90-е годы 20-го столетия Россия явно отделилась от желаемых социально-экономических стандартов евро-атлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны «третьего» мира. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами радикальных реформ пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет суровую борьбу за существование.

4. Объективные причины неудач. Есть и продолжают оказывать влияние на результативность российских реформ три объективных фактора, которые делают системную трансформацию в России исключительно трудной задачей.

Во-первых, большое значение имеет факт различной продолжительности «социалистического интермеццо». Если в странах ЦВЕ оно длилось 40 лет и в решающей мере было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет, стал способом жизни, являлся, так сказать, целиком отечественным, а не импортированным «продуктом». Благодаря одному только этому обстоятельству, не позволившему предать полному забвению «рыночное прошлое», а также из-за имевшегося в ряде стран (Польша, Чехословакия и Венгрия) опыта внедрения некоторых рыночных инструментов в плановую экономику степень ментально-психологической готовности их народов к замене одной системы на другую, конечно же, не могла не быть выше, чем в России.

Во-вторых, в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который, как правило, игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, в том числе и России.

В-третьих, на старте реформ серьезным бременем для России оказалась огромная доля в ее экономике (в сопоставлении со странами ЦВЕ) военно-промышленного комплекса. Как только отказались от поддержания постоянного военного паритета чуть ли не со всем остальным миром, выяснилось, что конверсия гипертрофированно милитаризованного производства потребует на первых порах неизмеримо больше затрат, чем даст выгоды от нее.

5. Типичные ошибочные упреки в адрес проводников реформ. Прежде всего надо восстановить историческую справедливость и умерить пыл многочисленных гневно-праведных критиков радикальных реформаторов. Их появление на политической сцене – результат традиционного нетерпения западнического крыла российской интеллектуальной элиты, волею судеб оказавшейся у власти в стране в начале 90-х годов. Сегодня это важно подчеркнуть, так как в наши дни, по прошествии десятилетия «бури и натиска», стало хорошим тоном если не демонизировать первый гарнитур «шокотерапевтов», то, по крайней мере, отрешиваться от них. На самом деле и интеллигенция, и так называемые простые люди в своем подавляющем большинстве просто обожали тогда «шокотерапевтов». Точнее говоря, не самих младореформаторов, а их патрона, первого президента России, обещавшего «осчастливить» народ **в короткие сроки** («потерпите до осени»). Ведь это только сегодня трудно найти людей, голосовавших за Ельцина и безоговорочно поддерживавших его юных соратников. А в решающем 1991 году все было иначе. Так что, если «глас народа – глас божий», то их не в чем упрекать. Тем более, что в ловушку очередной, на этот раз неолиберальной, утопии угодила мыслящая часть народа, вновь сыгравшая решающую роль в формировании и распространении социальных иллюзий.

Нелепо, например, упрекать младореформаторов в том, что они положили начало разбалансированности экономики страны. К 1992 году она в своей подавляющей части уже была разбалансирована как результат губительного для всех противостояния российских властей и союзного Центра. Младореформаторы правы, утверждая, что ко времени их вхождения во власть управляемость экономикой – советской вообще и российской, в частности – уже в значительной мере была утрачена, а товарно-денежное неравновесие достигло огромных размеров. Правда, им придется признать, что тому и другому страна обязана исключительно их покровителям.

Так же некорректна огульная критика так называемой шокотерапии. Большинство цен, безусловно, нужно было отпускать. Иначе не был бы запущен механизм рыночного саморегулирования экономики. Наконец, явно уязвим весьма распространенный упрек реформаторам в том, что они не учли монополистическую природу хозяйства, подлежащего реформированию. Сначала, будто бы, нужно было сформировать конкурентную среду и лишь после ее образования приступить к отпуску цен. Такое представление насквозь утопично, ибо в принципе невозможно создать конкурентные отношения при фиксированных ценах.

6. Выше сказанное не отменяет главного вывода из опыта перемен в прошедшем десятилетии: разочаровывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и лишь во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. **Именно в силу несостоятельности замыслов и многочисленных ошибок в политике реформ их социальная цена продолжает оставаться исключительно высокой. Понятия демократии, рынка и свободы в значительной мере дискредитированы в российском общественном сознании из-за громадных просчетов реформаторов, оказавшихся не в состоянии обуздать тенденцию демодернизации страны.**

7. Основные причины неудачи политики реформ в России.

Главный фактор – склонность к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд (иллюзий) и распространенных заблуждений (мифов).

Иллюзии:

- Принятие в качестве руководства к действию **текущих** мировоззренческих императивов Запада в целях достижения его экономических и социальных стандартов.
- Абсолютизация универсальных закономерностей без учета специфики места и времени (повидимому, в силу генетической склонности к онтологизации теоретических конструкций)
- Убежденность в необходимости **максимально высокой скорости** перемен как решающего фактора достижения их необратимости (из-за боязни коммунистического реванша).
- Благостное отношение к взаимодействию стран в современном мировом хозяйстве без учета различий в их экономических потенциалах: **быстрая открытость благотворна, постепенная и дозированная – вредна.**

Мифы:

- Стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до **минимума** свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но не имеющего ничего общего с реальной действительностью.
- Возведение в ранг объективной закономерности тезиса об органической **слабости** государства в «транзитных» странах и особенно в России, из чего следует, что здесь государственный интервенционизм должен быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках.
- Приверженность теории «обузы» (без слабых сателлитов в лоно сильного Запада) в сочетании с расчетом на то, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Именно потому, что с самого начала ельцинского периода рыночных реформ в России была сделана ставка на всесилие «экономической свободы» – при неумении ею разумно пользоваться и игнорировании всего многообразия рыночных институтов –

страна пока не в состоянии вырваться из полуанархического состояния на траекторию устойчивого хозяйственного роста.

8. Основные выводы и уроки из сопоставления хода реформ в относительно успешных постсоциалистических странах ЦВЕ и России могут быть сформулированы следующим образом:

- Результативность рыночных реформ достигается там и тогда, где и когда реформаторы, не поддаваясь соблазнам неолиберальной доктрины, нащупывают методом проб и ошибок масштабы и границы оправданного государственного участия в экономике, четко осознавая ответственность за последовательность и необратимость системных преобразований.

- Либерализация экономической деятельности – необходимое, но недостаточное условие формирования эффективного рыночного механизма. Анализ практики реформ демонстрирует ключевую роль институциональных преобразований, включая реальное обеспечение прав собственности, действенное антимонопольное законодательство и контроль за его осуществлением, строгий банковский надзор, страхование банковских вкладов и т.п. При их отсутствии неизбежно возникает «системный вакуум», прямо ведущий к процветанию клановой и теневой экономики, криминализации хозяйственной сферы, росту и консервации неплатежей.

- В относительно успешных постсоциалистических странах достаточно быстро либерализация проводилась в отношении оборота товаров и услуг. В то же время очень осторожный подход наблюдался в отношении снятия ограничений с оплаты труда, внешнеторговых и валютных операций, экспорта и импорта капитала.

- Массовая ускоренная приватизация отнюдь не является наилучшим способом формирования подлинных рыночных субъектов; более того, в определенных случаях (особенно характерен в этом плане опыт постсоветских государств) она приводит к возникновению крайне нерациональной системы корпоративного управления, в свою очередь, обуславливающей не отвечающее рыночным канонам поведение предприятий. Очень важное значение имеет создание благоприятных условий для развития частного сектора на собственной основе, что достигается стимулированием малого предпринимательства. Крайне неблагоприятные последствия возникают тогда, когда не уделяется должного внимания управлению остающимся в руках государства имуществом. В этом случае широкое распространение приобретает его растаскивание, ведущее к криминализации всей экономики.

- Устойчивая результативность и необратимость макроэкономической стабилизации в ряде стран ЦВЕ не может быть связана с использованием рецептуры ортодоксального монетаризма, ограничивающегося только регулированием денежного обращения. Реформаторы в рассматриваемых странах в отличие от своих российских коллег отдавали себе отчет в том, что динамика цен в переходных экономиках определяется не только спросом на товары и услуги, но и разнообразными причинами на стороне их предложения. Они понимали, что инфляция зависит не только (а подчас и не столько) от динамики денежной эмиссии, но и от так называемых немонетарных факторов. Именно поэтому им удалось вычленив две наиболее действенные порочные спирали в обесценении денег: «цены-доходы-цены» и «инфляция-девальвация-инфляция». А точный диагноз предопределил в свою очередь и правильность лечения, содержание которого с самого начала реформ сводилось к использованию пакета взаимодополняемых мер по регулированию денежного обращения, части цен, личных доходов и валютного курса.

- Достижение макроэкономической стабилизации должно рассматриваться в качестве необходимого, но далеко не достаточного условия для устойчивого экономического роста. Ставка на одно только подавление инфляции нигде себя не оправдывает. На определенных этапах требуется проведение принципиально иной макроэкономической политики, предусматривающей сочетание мер по сдерживанию роста общего уровня цен со стимулированием хозяйственного развития.

9. Что впереди?

В теперешнем российском правящем доме, судя по всему, верх взяла школа мышления, в соответствии с которой положительные тенденции хозяйственного развития

трех последних лет (за 1999–2001 гг. ВВП страны увеличился почти на 20%) должны быть поддержаны исключительно за счет нормализации инвестиционного климата при последовательной реализации курса на уход государства из экономики.

Во-первых, это означает, что правительство сосредоточит внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике. Во-вторых, государственная власть позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для беспристрастно равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. В этой связи справедливо говорят о соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении «экономики льгот и привилегий». В-третьих, предстоит сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы.

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами, – а они абсолютно разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики, – и если считать, что помимо почти пятикратной девальвации рубля и резкого повышения мировых цен нефти в долгожданный экономический рост страны вносят вклад независимые от этих неожиданных стимулов факторы, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно, во-первых, и отчасти в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых, если, конечно, сохранится теперешняя степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России в принципе не имеет ограничителей, ибо в отличие от стран ЦВЕ ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского Союза. Нужно понимать, что ее хозяйство, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, становится объектом других более мощных экономических игроков без каких-либо шансов на укоренение здесь «еэсовского» институционально-правового каркаса. Тенденция примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой, даже если удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. При сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энерго-сырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, основывающаяся на активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Движение по этому пути предполагает разработку и проведение соответствующей **структурной и инновационной политики**. Только в этих условиях появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или по крайней мере его большей части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК или виртуальные ныне финансово-промышленные группы, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве **субъектов, а не объектов процесса**.